

Лицо Цзи Хана спокойно смотрит на него: — Ты продолжаешь говорить глупости.

Чжао Цзяньчжун не беспокоится об этом, и говорит: — Я знаю, в твоём сердце я...

Цзи Хань по-прежнему совершенно спокоен: — Я не стал бы рисковать своей жизнью, чтобы спасти меч.

Чжао Цзяньчжун ошеломлённо смотрит на него, Цзи Хань, кажется, очень хочет уйти от этой темы, внезапно говоря: — Иногда я также думал, что если бы мои родители всё ещё были рядом, они бы тоже не хотели, чтобы я занимался боевыми искусствами.

Чжао Цзяньчжун не может не спросить его: — А что за люди были твои родители?

Цзи Хань говорит: — Я не знаю, я только знаю, что они тоже были в секте, а Ифу был их лучшим другом, всё остальные... Ифу почти ничего мне не рассказывал.

Чжао Цзяньчжун всё понимает.

Он думает, что родители Цзи Хана, вероятно, уже умерли, и их хороший друг принял их ребёнка. Это на самом деле очень распространённая история в Цзяньчжун.

Цзи Хань говорит: — Я никогда не слышал, чтобы люди в Цзяньчжун упоминали твоих родителей.

Если кто-то станет фехтовальщиком номер один, его родители тоже наверняка будут чем-то знамениты вместе с ним.

Чжао Цзяньчжун говорит: — Я не знаю, кто они такие. Кто-то оставил меня у входа в гору, и мой Шифу вернулся вместе со мной.

Цзи Хань спрашивает его: — Твой Шифу, конечно, относился к тебе очень хорошо.

Чжао Цзяньчжун слегка кивает: — Он относился ко мне как биологический отец.

Цзи Хань молчит

Чжао Цзяньчжун не знает, где он ошибся, он только нервно смотрит на Цзи Хана. Цзи Хань слегка хмурится и вдруг продолжает спрашивать: — У тебя есть шисунди*?

Чжао Цзяньчжун говорит: — У меня есть три шидимэя.*

Цзи Хань: — Ты да-шицун?*

Чжао Цзяньюй кивает: — Пока я бродил, Эр-Шици* исполнял обязанности судебного пристава в имперской полиции, Сан-симэй* женился на лекарке Сиань Гу, ** В настоящее время в секте есть только молодой Шици, всё ещё сопровождающий Шифу.

Цзи Хань, кажется, чрезвычайно заинтересован в этом: - Я слышал, что у вас очень хорошие отношения.

— Немногие из нас вступили в секту в одно и то же время, наши возрасты также похожи, мы всегда хорошо играли вместе, когда были молоды. - Чжао Цзяньюй говорит: — Только молодой Шици пришёл позже, его возраст на цикл моложе моего,*** Шифу всё ещё уговаривает его быть готовым...

Он ещё не закончил говорить, а Чжао Цзяньюй уже не может сдержаться и слегка кривит губы.

Эта небольшая кривая не может считаться улыбкой, но по сравнению с жестко вытесненной "улыбкой" раньше, она на самом деле намного приятнее.

Цзи Хань не знает, что причина в том, что он оглядывается на прошлые события в своей секте, и когда он чрезвычайно радостен, он также улыбается себе, как и его молодой Шици, ненавидя горечь и не смея принимать лекарство.

Он уже не может высказать некоторые причины своего настроения.

Чжао Цзяньюй: — Похоже, ты очень интересуешься моей сектой.

Цзи Хань говорит: — У меня нет никакого шисионди, я просто на мгновение заинтересовался, вот и всё.

Чжао Цзяньюй ошеломлён: — Тот ребёнок... разве он не был примерно того же возраста, что и ты?

Ребёнку примерно одного возраста всегда очень легко подружиться. Более того, в соответствии с их отношениями, было бы правильно, если бы они были больше похожи на братьев.

Выражение лица Цзи Хана уже кажется очень плохим: — С того возраста, когда я был в состоянии держать меч, после этого я целый день оставался на тренировочной площадке. Кроме того, он не занимался боевыми искусствами, у меня даже не было времени его увидеть.

Чжао Цзяньюй хмурится: — Когда ты не тренируешься с мечом, у тебя всегда есть время

немного поиграть.

Цзи Хань, тем не менее, преуменьшает это, говоря: — Ифу не хотел, чтобы я его видел.

Чжао Цзяньюй уже не знает, что было бы хорошо сказать сейчас.

Настолько сильно, что он чувствует, как его собственное сердце внезапно сжимается в комок какой-то вещью, его подсознание даже думает, что, возможно, в его воображении бывший лидер секты относился к Цзи Хану совсем не очень хорошо.

Цзи Хань говорит: — Я помню только, что в детстве, когда я не хотел тренироваться, Ифу, чтобы уговорить меня, пока я прогрессирувал в фехтовании, он посылал людей вниз с горы, чтобы купить сладости и вернуться.

Затем подсознание Чжао Цзяньюй спрашивает: — Кедровые карамельки?

Цзи Хань отвечает: — В то время мне было всего шесть или семь лет, я больше всего любил тангулу****, однако, когда я стал намного старше, я понял, что должен практиковать меч, а не есть конфеты. Этот трюк действует только на молодых.

Чжао Цзяньюй в своём сердце молча записал это.

Цзи Хань любит тангулу.

*Это записано в примечаниях, но в качестве напоминания: шисионди - это братья-ученики (ученики с одним и тем же мастером), да-шисионг будет старшим братом-учеником, Шици будет младшим братом-учеником, Эр-Шици будет означать второго ученика младшего брата, Сан-симэй будет означать третьего ученика младшей сестры (но не только считая сестер, числа применяются ко всем) и т.д. Шидимэй будет означать младших братьев и сестер ученика (никаких старших братьев и сестер ученика). А Шифу, конечно же, мастер.

**Бессмертная долина, но так как она упоминается несколько раз позже, я оставлю это так.

***Это должно означать, что его младший Шици на двенадцать лет моложе его.

****糖葫芦/tánghúlu сахарные цукаты из боярышника на палочке

<http://bllate.org/book/15471/1366706>